

«ЦВЕТИ, НАШ ГОРОД!..»

В сентябре 1998-го и в феврале 1999-го «КВ» публиковали материалы о судьбе и творчестве Александра Акимовича Алферова. Они были приурочены к семидесятилетию поэта, и автор, понимая, что его строки не могут претендовать на полноту информации о нашем земляке, предлагал горожанам поделиться воспоминаниями о нем. Откликнулись немногие. И, как ни странно, не было среди них близких друзей поэта, которые живы-здоровы и за пределы Киселевска не выехали. Что и говорить: жаль... Особенно с учетом того, что даже рассказы людей, знакомых с Алферовым весьма поверхностно, помогли расширить познания о нем, а где-то и уточнить уже известные факты.

Александр Иванович Езипов, которому скоро исполнится восемьдесят, посещал занятия городской литгруппы в 50-60-х годах. И он, представьте себе, помнит, как на них впервые пришел двадцатипятилетний Алферов. Он только что приехал в Киселевск после окончания рубежанского техникума. Было это в 1953-м. Председатель литгруппы Романов, работавший юристом в тресте «Кагановичуголь», крайне заинтересовался новичком. Во-первых, тот для полноты знакомства передал ему семь газетных публикаций своих стихов, что в те годы, когда пробиться в печать было очень нелегко, выглядело знаменательным. Во-вторых, Алферов зачитал несколько отрывков из поэмы «Степь донецкая», над которой тогда работал. Это выглядело не менее впечатляющим: ведь никто из местных литераторов не замахивался на эпический жанр.

Молодой поэт быстро освоился среди собратьев по творчеству, стал своего рода их неформальным лидером. На него обратили внимание в Кемерове – во многом благодаря его интенсивной переписке с Михаилом Небогатовым, который не только входил в число немногих литераторов Кузбасса, имевших в своем активе сборники стихов, но и обладал навыком сотрудничества с авторами. Он в те годы занимался редакторским трудом в книжном издательстве. Так вот, в 1956-м Алферов был вызван на первый областной литературный семинар. Руководил им известный поэт из Новосибирска Казимир Лисовский. Особых похвал в свой адрес Алферов тогда не получил, да он их, по собственному признанию, и не ждал. Стого мероприятия он вынес главное – знакомство с требованиями тогдашней литературы, о которых знал исподволь, а теперь услышал напрямую.

Тогда в его творчестве и закрепилось на три последующих десятилетия желание сполна отобразить нелегкую жизнь шахт, патетику преобразований в стране и городе. Иногда это принимало весьма своеобразные формы. Где-то к началу шестидесятых Алферов написал текст... гимна Киселевска. Езипов сохранил в памяти несколько строчек, в которых говорилось:

*Цвети, наш город, не тюльпаном черным,
А смехом и улыбками цвети!*

*Мы тут живем, чтобы трудом упорным
Потомкам путь к победам осветить.*

На эти стихи Алферова местный композитор Хох-

лов сочинил музыку, хоровой коллектив одного из Домов культуры взял сие произведение в свой репертуар, исполнив его перед знатными горожанами, которые присутствовали на торжественном собрании в честь 7 Ноября. Но официального статуса гимн не получил. И, может быть, зря. Ведь до сих пор Киселевск не имеет «узаконенного» герба и музыкально-поэтической карточки, которая служила бы ему в часы торжеств и во дни приема желанных гостей.

В 1962 году Алферов, дождавшись как-то конца занятий литгруппы, предложил нескольким товарищам зайти к нему домой. Вид у него был таинственный, если не сказать – заговорщицкий. Товарищи знали о склонности Алферова к розыгрышам, поэтому решили, что настал черед очередного из них, но от предложения не отказались. Пришли. Хозяин усадил их на стулья, сходил к соседям за проигрывателем и, вернувшись, поставил пластинку. Комнату мягко заполнил голос Бернеса: «Бьется в тесной печурке огонь...» Гости с удовольствием слушали, но повода к такому концерту понять не могли. Наконец песня закончилась, пластинка переключалась в пакет, и Алферов спросил:

– На чьи слова написана «Землянка»?

Вопрос показался несерьезным, потому что все прекрасно знали творца знаменитой песни. Ожидая подвоха, сказали, что автор тексточки – поэт Александр Сурков. «Молодцы!» – похвалил хозяин и, сняв с полки книгу, вынул из нее конверт. «Читайте!» Конверт пошел по рукам, и всякий после знакомства с адресными данными лишился дара речи. Отправителем письма значился Александр Сурков. «То-то! – многозначительно изрек Алферов. – Классик, можно сказать, а вот уже третий ответ мне присылает. Не чурается». Как оказалось, Алферов отправлял на суд известного поэта несколько стихов и поэму «Степь донецкая». Поэма была безжалостно отвергнута, а вот по стихам Сурков «прошелся» двояко. И хвалил, и замечания делал. Но больше всего наш земляк хвалился именно этим – третьим – ответом. В нем литературный мэтр неплохо отозвался о другой поэме Алферова. Замечания касались только отдельных мест, в целом же вещи принимались на «хорошо». Так местные поэты узнали, что их собрат готовит к изданию поэму «Шахтерское небо». Через несколько лет она будет опубликована в городской газете и автор получит за нее «баснословный» гонорар – ни много ни

мало... девять рублей.

В те далекие годы киселевская литгруппа входила в число самых перспективных по Кузбассу. То, что в этом нет преувеличения, можно судить по рассказу Ивана Даниловича Еремина – пожалуй, единственного из литгрупповцев, кто плодотворно работал в прозе и добивался на этом поприще определенного результата. Один из его рассказов был опубликован в журнале «Шахтер». Так вот, по приглашению тогдашнего секретаря писательской организации Евгения Буравлева делегация киселевских поэтов приезжала в Кемерово, чтобы участвовать в съемках телепередачи. Вместе с Алферовым читали стихи и рассказывали о своем творчестве Валерий Фесенко, электрослесарь шахты имени В.В. Вахрушева, и Николай Бабкин, тогда – горный мастер шахты «Тайбинская», а ныне – один из самых публикуемых поэтов города. Все они выступили еще и по местному радио, а подборки их произведений были востребованы редакциями газет «Кузбасс» и «Комсомолец Кузбасса». Такого массированного и сжатого по времени выхода поэтов Киселевска к областному зрителю, слушателю и читателю с тех пор не было.

Став руководителем литературной группы под названием «Родник», Алферов показал себя въедливым критиком. Слабых мест в обсуждаемых стихах он не терпел и мог устроить любому автору то, что в просторечии именуется разносом. Но было и обратное «движение»: Алферов очень тяжело переносил критику в свой адрес. Оба этих момента, которые взаимно исключают друг друга, не раз приводили к тому, что на занятия литгруппы переставали ходить некоторые из ее наиболее талантливых членов. Фамилии обиженных называть не будем, однако упомянем, что один из них теперь – автор сборника, имеющий к тому же публикации в московском альманахе.

Авторитетом в глазах Алферова могли обладать лишь поэты, обитающие, как минимум, в областном центре. Что же до тех, кто прочно обосновался на столичном Парнасе, – они для него были все равно что боги. В этом показательны Дни советской литературы, проходившие в Кузбассе в январе-феврале 1981 года. На землю Кузнецкую приехали тогда два десятка известных писателей, которые, объединившись с лучшими литераторами Кузбасса, посещали его города и веси. К нам в Киселевск прибыл и Сергей Давыдов, Лев Ошанин, кемеровчанин Виктор Баянов и другие знаменитости. Они выступали в цехах предприятий, в учреждениях. Так вот, Алферову удалось залучить для короткой беседы Ошанина. О чем у них шел разговор – неизвестно, а вот конечный итог хорошо памятен тогдашнему соседу Алферова по дому Степану Горбунову. То ли в шутку, то ли всерьез Александр Акимович говорил ему, что вот уже неделю не моет правую руку. Дескать, хочет сохранить подольше ощущение от ошанинского рукопожатия.

Тяга к людям известным и значительным диктовала Алферову и то, что мы называем теперь инозем-

ным словечком «хобби». Страстный библиофил, он отдельно собирал книги серии «Жизнь замечательных людей». И горе тому, кто в его присутствии как-то принизит значение той или иной личности. Он мог взорваться, наговорить резких слов. И очень может быть, что следующие строки из стихотворения «В кинозале», написанные Алферовым лет двадцать назад, отражают один из таких моментов. Зачитаем эту миниатюру:

– А старика играет Смоктуновский! –

Процебетала фифа кадру вслед.

– Но это не старик, а Циолковский!

– Сказал ей с возмущением сосед.

Потом добавил, как бы суть итожа

Заметным чуть движением руки:

– Планету нашу делают моложе

Такие вот – как этот – «старик»!

Впрочем, из правила «уважай только известных» Алферов иногда делал исключения. К примеру, осенью 1970-го. Тогда план занятия литгруппы включил в себя один лишь пункт: обсуждение только что вышедшей первой книги стихов Валерия Зубарева, работавшего в промотделе газеты «В бой за уголь», а ныне возглавляющего кемеровское отделение Союза писателей России. В тот день Алферов был на удивление покладист, щедр на хорошие оценки и почти счастлив. Еще бы! Наконец-то местный поэт стал автором сборника. Наконец-то литературная группа, в которой он рос как писатель, обрела подлинную весомость!

С годами Александр Акимович становился сентиментальным. Валерий Коньштаров, нынешней весной отъехавший на жительство в Хакасию, припомнил, что поэт все более привязывался к живым цветам. Порой доходило до смешного. Отправляясь с товарищами на выступление в школу или в библиотеку, он, отлично зная, что принимающая сторона будет дарить сувениры типа авторучек, просил кого-нибудь намекнуть, чтобы вместо пишущего прибора ему вручили букет любимых калл. И бывало такое: поэты общаются с аудиторией, а учителя или служащие библиотеки сбиваются с ног, разыскивая столь редкие в давнее время цветы. Ничего: находили... и Алферов готов был растаять от умиления, получая в руки желанный букет.

Сергей Семенович Збышко, знавший поэта в те времена, когда тот редактировал многотиражку шахты имени В.В. Вахрушева, принес в редакцию первый номер альманаха «Огни Кузбасса» за 1983 год. В нем на последней странице под рубрикой «Веселая минутка» было помещено стихотворение Алферова «Добро пожаловать, апрель». Но говорю сейчас о данном произведении не потому, что это была, по сути, первая и последняя журнальная публикация алферовского юмора. Дело в другом. Все двадцать четыре строки рифмовались под одно слово: апрель, капель, свирель и так далее. А по окончании стихотворения автор – уже в прозе – говорил о том, что у него в

резерве есть еще подобные рифмы, и перечислял их в количестве полутора десятков. Нечто подобное сложно припомнить. То есть поэт, которому шел пятьдесят пятый год, подавал себя как новатор, любитель литературного эксперимента. Он словно показывал читателю и критику свои нерастроченные возможности, обещал и дальше идти дорогой поиска и открытий. Но выполнить обещанное не смог: через два с половиной года его не стало. Подвело изношенное вконец сердце...

С тех пор минуло четырнадцать лет, которых оказалось достаточно для того, чтобы память об Алферове почти полностью истерлась. Он остается в душах очень немногих людей, хорошо его знавших. Но достаточно ли этого? Вряд ли. Потому-то прошлой осенью автор и взялся по крупицам собирать факты

из бытия и творчества нашего незаурядного земляка, чтобы хоть через газетное слово закрепить их в истории города. Но чем дольше я занимался этим делом, тем больше понимал: основной пласт биографии Алферова остается за рамками публикации. Да и то, что удалось поднять из небытия, может грешить неточностями, прежде всего хронологического свойства. Нужны новые и новые поступления информации, прежде всего от действительно близких друзей Алферова. Только тогда можно составить более или менее полный портрет поэта. Предложением поделиться воспоминаниями об Александре Акимовиче и заканчиваю эту – третью по счету – публикацию о нем.

Сергей ГРУЦАНСКИЙ.